

Артур ХЕЙЛИ

ОТЕЛЬ

Путник, соблаговоли остановиться в сем недостойном доме. Баня готова, и тихая комната ожидает тебя. Входи же, входи!

Надпись на двери гостиницы в Танамацу, Япония

ПОНЕДЕЛЬНИК

ВЕЧЕР

Будь на то моя воля, думал Питер Макдермотт, я давным-давно выгнал бы этого начальника охраны. Но поступать по собственному усмотрению Питер не мог, и вот теперь этот ожиревший бывший полицейский снова куда-то исчез, и как раз в тот момент, когда был особенно нужен.

Макдермотт согнулся всем своим высоким сухопарым телом и начал нетерпеливо трясти телефонный аппарат.

– Тут целый ад на голову обрушился, – заметил он, обращаясь к молодой женщине, стоявшей у окна просторного кабинета, – а он как сквозь землю провалился.

Кристина Фрэнсис взглянула на свои часики. Было без нескольких минут одиннадцать.

– Я бы поискала его в баре на Барон-стрит.

Питер Макдермотт кивнул:

– Телефонистка уже обзванивает его излюбленные кабаки. – Он открыл ящик стола, вытащил сигареты и предложил их Кристине.

Она подошла к нему, взяла сигарету; Макдермотт дал ей прикурить и закурил сам. Он смотрел, как она затягивается.

Кристина Фрэнсис всего несколько минут тому назад вышла из своего маленького кабинета, расположенного на одном этаже с прочими

административными помещениями отеля Сент-Грегори. Сегодня она работала вечером и уже собралась уходить домой, но свет в кабинете заместителя главного управляющего привлек ее внимание, и она заглянула сюда.

– Да, наш мистер Огилви – сам себе хозяин, – заметила Кристина. – Так всегда было. С ведома У.Т.

Макдермотт что-то быстро ответил по телефону и умолк.

– Вы правы, – наконец сказал он. – Я пытался реорганизовать нашу никудышную систему охраны, но получил головомойку.

– Я этого не знала, – тихо сказала Кристина.

Он иронически посмотрел на нее.

– А я думал, вы знаете все на свете.

Обычно так оно и было. Будучи личным секретарем Уоррена Трента, человека вспыльчивого и неуравновешенного, которому принадлежал этот самый крупный в Новом Орлеане отель, Кристина была в курсе всех закулисных дел и повседневной жизни огромного механизма. Она знала, например, что Питер, назначенный на должность заместителя главного управляющего всего лишь месяц или два назад, в сущности, тащил на себе все хозяйство большого и шумного отеля, хотя получал за это весьма скромное жалованье и не обладал большими полномочиями. Она знала также и причину этого, скрытую в папке с грифом «секретно», где содержались сведения личного порядка о жизни Питера Макдермотта.

– А из-за чего, собственно, такой переполох? – спросила Кристина.

Макдермотт усмехнулся, и его некрасивое, словно вырубленное из камня, лицо исказилось.

– Поступила жалоба, что на одиннадцатом этаже происходит что-то вроде оргии; на девятом этаже герцогиня Кройдонская заявила, будто ее супруга оскорбил официант, обслуживавший их в номере; в тысяча четыреста тридцать девятом кто-то будто бы страшно стонет; ночной администратор заболел, и я отпустил его домой, а два других заняты неотложными делами.

Он снова взялся за телефон. Кристина молча отошла к окну кабинета, находившегося в бельэтаже. Слегка откинув назад голову, чтобы дым от сигареты не ел глаза, она окинула взглядом город. Как раз напротив, за широким проспектом, на который выходил отель, компактным, кишасим людьми прямоугольником лежал так называемый Французский квартал. До полуночи оставался целый час, и квартал еще не начал жить своей обычной жизнью, огни у входа в ночные бары, бистро, дансинги и заведения со стриптизом, равно как и свет за плотно закрытыми шторами, будут гореть долго, до самого утра.

Где-то к северу, видимо, над озером Поншартрен, в темноте ночи собиралась летняя гроза. Это чувствовалось по приглушенным раскатам грома и редким вспышкам молний. Если повезет и гроза повернет на юг в направлении Мексиканского залива, то к утру в Новом Орлеане пойдет Дождь.

А дождь был бы, как никогда, кстати, подумала Кристина. Уже три недели город изнемогает от жары и духоты, и нервы у всех на пределе. Да и в отеле тоже станет хоть немного полегче. Сегодня днем главный инженер снова жаловался: Если не удастся в ближайшие дни отключить хоть часть кондиционеров, я больше ни за что не отвечаю.

Питер Макдермотт положил трубку на рычаг.

– А вы знаете, кто там живет, в этой комнате, откуда слышны стоны? спросила Кристина.

Он покачал головой и снова потянулся к телефону.

– Сейчас выясним. Наверное, кому-то приснились кошмары, но лучше все-таки справиться.

Только теперь, опустившись в глубокое кожаное кресло напротив большого стола из красного дерева, Кристина вдруг почувствовала, как сильно устала за день. При обычных обстоятельствах она уже давнымдавно была бы дома в своей квартире в Джентильи. Но день выдался особенно напряженный: надо было разместить делегатов целых двух конгрессов, да и других клиентов прибыло такое множество, что без конца возникали проблемы, требовавшие ее вмешательства.

– Хорошо, спасибо. – Макдермотт записал фамилию на листке бумаги и положил телефонную трубку. – Это Альберт Уэллс из Монреаля.

– А я знаю его, – сказала Кристина. – Очень милый старичок, каждый год у нас останавливается. Если хотите, я выясню, в чем там дело.

Питер медлил, глядя на тоненькую, стройную молодую женщину.

Пронзительно зазвонил телефон, и он снял трубку.

– Извините, сэр, – сказала телефонистка, – но нам не удалось разыскать мистера Огилви.

– Ладно. Соедините меня со старшим посыльным. – Если уж нельзя выгнать этого Огилви, подумал Макдермотт, то надо, по крайней мере, устроить ему завтра утром разнос. А пока не послать ли кого-нибудь выяснить, что там происходит на одиннадцатом этаже, а самому заняться инцидентом с герцогом и герцогиней?

Старший посыльный слушает, – прозвучало в трубке, и Питер узнал ровный, чуть гнусавый голос Херби Чэндлера. Чэндлер, как и Огилви, принадлежал к числу давних служащих Сент-Грегори и, по слухам, больше всех занимался мелким вымогательством в отеле.

Макдермотт объяснил ему суть дела и попросил разобраться с жалобой по поводу оргии. Как он и предполагал, в ответ прозвучал отказ: Это не входит в мои обязанности, мистер Мак, к тому же у нас тут полно дел. Сказано это было в типичной для Чэндлера манере – заискивающе и в то же время дерзко.

– Оставьте свои доводы при себе, – непререкаемым тоном сказал Макдермотт. – Я требую немедленно проверить, насколько обоснована эта жалоба. – Затем, немного подумав, добавил:

– Еще одно: пошлите посыльного с дубликатом ключей к мисс Фрэнсис на бельэтаж. – И, не дожидаясь возражений, положил трубку.

– Пошли, – сказал он, слегка коснувшись плеча Кристины. – Возьмите с собой посыльного и скажите вашему приятелю, чтобы он не выпускал на волю свои кошмары.

Херби Чэндлер в задумчивости стоял у стола старшего посыльного в вестибюле «Сент-Грегори»; его остренькое личико, похожее на мордочку хорька, выдавало смятение.

Стол старшего рассыльного помещался посредине вестибюля, возле одной из ребристых бетонных колонн, подпиравших высокий потолок, обильно украшенный лепниной, — он стоял в самом центре, откуда хорошо было видно всех, кто входил и выходил из отеля. Сейчас здесь было весьма оживленно.

Весь вечер по вестибюлю туда и обратно шныряли делегаты конгрессов, становившиеся с приближением полуночи все развязнее от принятого спиртного.

Чэндлер по привычке наблюдал за толпой; в эту минуту дверь на Кэронделет-стрит распахнулась и в вестибюль ввалилась шумная группа кутил — трое мужчин и две женщины; в руках у них были стаканы с виски, наподобие тех, которые подавали в баре Пэта О'Брайена, где за это же виски с туристов брали на доллар дороже, чем во Французском квартале. Один из мужчин едва держался на ногах, остальные поддерживали его. У всех троих были значки участников конгресса. На них значилось: «Голден-Краун Кола» и ниже — фамилия. Публика в вестибюле, благодушно улыбаясь, уступала им дорогу, и квинтет, покачиваясь, проследовал в бар цокольного этажа.

Время от времени появлялись новые клиенты — с вечерних поездов и самолетов; нескольких из них размещали сейчас в номерах находившиеся под командованием Чэндлера мальчишки-посыльные; правда, «мальчишки» — это только так говорилось, потому что среди них не было ни одного моложе сорока лет, а два-три сидящих ветерана служили в отеле уже более четверти века. Херби Чэндлер, имевший право сам нанимать и увольнять свой штат, предпочитал пожилых людей. Если человеку трудно ворочать чемоданы и он иной раз побряхтит, ему наверняка дадут на чай больше, чем юнцу, расправляющемуся с тяжелыми кофрами так, словно это детские игрушки. Один из таких стариков, на самом-то деле сильный и крепкий как буйвол, имел обыкновение вдруг ставить чемоданы на пол — прижмет руку к сердцу, покачает головой, потом снова поднимет их и тащит дальше. Совежливые постояльцы, уверенные в том, что старика вот-вот хватит инфаркт, редко давали за такой спектакль меньше доллара. Они, конечно,

не знали, что десять процентов перейдет потом в карман Херби Чэндлера, плюс два доллара – ежедневная мзда, которую он брал с каждого посыльного, если тот хотел удержаться на месте.

Эта своеобразная пошлина вызывала немало сетований у подчиненных старшего посыльного, и они за его спиной возмущались, хотя проворный посыльный все равно мог за неделю положить себе в карман полторы сотни долларов, особенно когда отель был полон. Но Херби Чэндлер в такие дни, как сегодня, оставался на своем посту допоздна. Никому не доверяя, он желал сам знать, какую получит мзду, – он обладал удивительным умением оценить клиента и прикинуть, сколько тот наверху даст на чай. Бывали случаи, когда посыльные пытались утаить от Херби подлинный размер выручки.

За этим неизбежно следовали безжалостные репрессии: непокорного под каким-либо благовидным предлогом на месяц отстраняли от работы, и он быстро приходил в чувство.

Была и еще одна причина, побудившая Херби Чэндлера задержаться сегодня вечером в отеле и объяснявшая его беспокойство, которое после телефонного разговора с Питером Макдермоттом возрастало с каждой минутой.

Макдермотт велел выяснить, что происходит на одиннадцатом этаже. Но Херби Чэндлеру не было надобности выяснять, так как в общем-то он знал, что там происходит. А знал он потому, что приложил к этому руку.

Часа три тому назад двое юнцов весьма недвусмысленно изложили ему свою просьбу. Он слушал их с почтительным видом – ведь отцы их, известные в городе бизнесмены, и сами часто бывали в отеле.

– Послушай, Херби, – сказал один из ребят, – сегодня здесь наши студенты устраивают танцы. Надоело до чертиков! А нам бы хотелось поразвлечься иначе.

Заранее зная ответ, Херби спросил:

– Как – иначе?

– Мы сняли номер. – Мальчишка слегка покраснел. – Нам бы пару

девчонок.

Штука рискованная, подумал Херби. У обоих еще молоко на губах не обсохло, да к тому же они не совсем трезвые.

– Извините, джентльмены, – начал было он, но второй юнец грубо прервал его:

– Нечего нам вкручивать мозги, мы-то знаем, у тебя всегда есть девочки, которые прибегут по первому же звонку.

Херби обнажил в подобии улыбки свои острые, как у хорька, зубы.

– Представить себе не могу, откуда вы это взяли, мистер Диксон.

Юнец, начавший разговор, стал настаивать:

– Мы ведь заплатим, Херби, ты же понимаешь.

Старший посыльный заколебался, раздираемый сомнениями и алчностью. В последнее время его побочные доходы сильно поубавились. А может, риск не так уж и велик.

Тот, которого звали Диксон, вдруг сказал:

– Да чего тут долго болтать. Сколько?

Херби взглянул на ребят, вспомнил об их папашах и тут же удвоил обычную в таких случаях цену:

– Сто долларов.

На какой-то момент воцарилось молчание. Потом Диксон решительно заявил:

– Договорились. – И добавил, обратившись к своему приятелю:

– Слушай, мы ведь уже заплатили за выпивку. А если тебе не хватит, чтоб внести свою долю, я тебе одолжу.

– Но ведь...

– Только деньги вперед, джентльмены. – Херби облизнул тонкие губы кончиком языка. – И еще одно: прошу вас без шума, а то посыпятся жалобы, и нам всем несдобровать.

Никакого шума не будет, заверили его юнцы, но вот теперь уже ясно, что получилось все наоборот, его опасения подтвердились, и Херби чувствовал себя весьма неудобно.

Примерно час тому назад приехали девицы. Они, как обычно, прошли через главный вход, и только несколько человек из обслуживающего персонала знали, что они здесь не живут. Если бы все прошло гладко, обе девицы уже исчезли бы так же незаметно, как и появились.

Жалоба о том, что на одиннадцатом этаже устроена оргия, да еще переданная самим Макдермоттом, означала, что там произошло что-то серьезное. Но что? Херби стало совсем не по себе, когда он вспомнил фразу об уже оплаченной выпивке.

В вестибюле было жарко и влажно, хотя кондиционеры работали вовсю.

Херби вытащил шелковый платок и вытер вспотевший лоб. Проклиная себя за безрассудство, он никак не мог решить, ехать ему наверх или ни во что не вмешиваться.

Питер Макдермотт поднялся на лифте до девятого этажа, а Кристина и сопровождавший ее посыльный должны были ехать дальше – на четырнадцатый.

Дверцы лифта уже открылись, но Питер замешкался.

– Если там что-нибудь серьезное, пошлите за мной.

– В крайнем случае – закричу.

Прежде чем дверцы лифта сомкнулись, отделяя их друг от друга, взгляды их встретились. Еще с минуту Питер постоял в задумчивости, всматриваясь в то место, где только что была кабина лифта, потом пружинистым, широким шагом направился по устланному ковром коридору к так называемым «президентским апартаментам».

В этом самом большом, со вкусом обставленном номере – служащие обычно называли его «номером для знати» – за время существования «Сент-Грегори» побывало немало именитых гостей, вплоть до президентов и членов королевских семей. Большинству из них Новый Орлеан нравился потому, что после первой торжественной встречи городские власти считали необходимым предоставить гостей самим себе и даже закрывали глаза на некоторые их вольности. Несколько менее влиятельными, чем главы государств, но в своем роде не менее выдающимися были и теперешние обитатели этих апартаментов герцог и герцогиня Кройдонские со своей свитой, состоявшей из секретаря, горничной герцогини и пяти бедлингтон-терьеров.

У дверей, с обеих сторон обитых кожей с вытисненными на ней золотыми лилиями, Питер Макдермотт остановился и нажал на перламутровую кнопку; он услышал приглушенный звонок внутри покоев и вслед за тем уже менее приглушенный хор заливавшихся лаем собак. Дожидаясь, пока откроются двери, он припоминал то, что слышал и знал о герцогской чете.

Герцог Кройдонский, потомок старинного рода, сумел приспособиться к духу времени. За последние десять лет с помощью герцогини, двоюродной сестры королевы, игравшей к тому же немалую роль в обществе, он получил звание посла и весьма успешно выполнял разные сложные поручения правительства Великобритании. Тем не менее в последнее время пошли слухи, будто карьера герцога достигла критической точки, по-видимому, из-за того, что уж слишком он приспособился к духу времени, особенно по части крепких напитков и интереса к чужим женам. Однако были и другие сведения, по которым выходило, что тучи над головой герцога не столь угрожающи и носят лишь временный характер и что герцогиня крепко держит вожжи в руках.

Сторонники этой второй версии предсказывали, что герцог Кройдонский скоро может стать английским послом в Вашингтоне.

Чей-то голос тихо произнес позади Питера:

– Извините, мистер Макдермотт, можно мне с вами поговорить?

Быстро обернувшись, Питер узнал Сала Натчеза, пожилого официанта, который обслуживал гостей в номерах. Он тихо подошел с другого конца

коридора, худой, мертвенно-бледный, в белой куртке, отделанной красным с золотом – фирменными цветами отеля. Волосы его были гладко прилизаны и начесаны вперед, образуя старомодный хохолок. Выцветшие глаза слезились, вены на худых руках, которые он нервно потирал, выступали, как канаты.

– Что случилось, Сол?

Голос у официанта дрожал от волнения:

– Видимо, вы поднялись из-за жалобы... на меня.

Макдермотт посмотрел на дверь. Ее до сих пор не открыли, и за ней по-прежнему слышен был только лай.

– Расскажите-ка, что произошло, – сказал он.

Официант дважды глотнул воздух и, не отвечая на вопрос, вдруг быстро, умоляюще зашептал:

– Если я лишусь работы, мистер Макдермотт, мне тяжело будет в моем возрасте найти другую. – Он посмотрел на президентские апартаменты с выражением тревоги и одновременно возмущения. – Нельзя сказать, чтобы так уж трудно было их обслуживать, но вот сегодня вечером... Они всегда очень требовательны, но я никогда не жаловался, хоть и не получал чаевых.

Питер невольно улыбнулся. Английские аристократы редко дают на чай, видимо полагая, что обслуживать их – уже само по себе награда. Он перебил официанта:

– Вы мне так и не сказали...

– Сейчас, сейчас, мистер Макдермотт. – Питеру тяжело было смотреть на то, как волновался этот человек, годившийся ему в дедушки. – Это случилось примерно полчаса назад. Они заказали ужин – герцог и герцогиня: устрицы, шампанское, креветки по-креольски.

– Меня не интересует меню. Что произошло?

– Да все эти креветки, сэр. Когда я обносил их... Понимаете, за все годы я

просто не помню, чтобы со мной такое случилось.

– Да говорите же наконец! – Питер краешком глаза наблюдал за дверью, чтобы прервать разговор, как только она откроется.

– Хорошо, мистер Макдермотт. Так вот, когда я обносил их этими креветками по-креольски, герцогиня вдруг встала из-за стола и, возвращаясь назад, толкнула меня под руку. Случись это с кем другим, я бы решил, что она сделала это нарочно.

– Какая чепуха!

– Я знаю, сэр, знаю. Ну и в результате, понимаете, на брюках у герцога оказалось пятнышко – клянусь, не больше горошины.

– И это все? – недоверчиво спросил Питер.

– Мистер Макдермотт, клянусь вам, это все. Но герцогиня подняла такой шум... можно подумать, что я совершил убийство. Я извинился перед ними.

Схватил чистую салфетку, принес воду и хотел очистить пятно, но они и слышать ни о чем не желали. Подавай им самого мистера Трента...

– Мистера Трента нет в отеле.

Прежде чем делать выводы, надо выслушать и другую сторону, решил Питер. А пока он распорядился:

– Если на сегодняшний вечер у вас все дела закончены, идите-ка домой.

Придете завтра, вам скажут, что к чему.

Официант ушел, и Питер Макдермотт снова нажал на кнопку звонка. Лай собак возобновился, и дверь тотчас открылась – за ней стоял моложавый круглолицый человек в пенсне. Питер признал в нем секретаря герцога Кройдонского.

В ту же минуту из внутренних покоев раздался женский голос: «Кто там раззвонился? Скажите, чтобы прекратили трезвон». При всей

категоричности тона, подумал Питер, голос весьма приятный, с хрипотцой, вызывающий интерес.

– Извините, – сказал Питер секретарю, – я думал, вы не слышите звонка. – Он представился и добавил:

– Насколько я понимаю, здесь недовольны нашим обслуживанием. Я пришел узнать, в чем дело.

– Но мы ждали мистера Трента, – сказал секретарь.

– Мистера Трента не бывает вечером в отеле.

Обмениваясь репликами, они прошли из коридора в холл – квадратное, со вкусом обставленное помещение с глубокой нишей, где стояли два мягких кресла и столик для телефона, а на стене висела гравюра Морриса Генри Хоббса, изображавшая Новый Орлеан стародавних времен. Двойные двери в коридор составляли одну из стен холла. В противоположной стене была приоткрыта дверь, ведущая в большую гостиную. Справа и слева тоже были двери, одна – в кухню, другая – в комнату, одновременно служившую кабинетом, спальней и гостиной, где в данный момент находился секретарь герцога Кройдонского. В две главные смежные спальни можно было пройти через кухню и через гостиную, – такое расположение было специально придумано для того, чтобы тайного посетителя при необходимости можно было незаметно впустить и вывести из спальни через кухню.

– А разве нельзя за ним послать? – Вопрос прозвучал неожиданно дверь гостиной отворилась, и на пороге предстала герцогиня с тремя бедлингтон-терьерами, крутившимися у ее ног. Резко щелкнув пальцами, она успокоила собак и, повернувшись к Питеру, вопрошающе взглянула на него. Он увидел красивое, с высокими скулами лицо, знакомое по тысячам фотографий.

Одета герцогиня была хотя и по-домашнему, но изысканно.

– Откровенно говоря, ваша светлость, я не предполагал, что вы хотите видеть непременно мистера Трента.

Серо-зеленые глаза смирили его с ног до головы.

– В отсутствие мистера Трента я ожидала, что ко мне придет кто-то из главных администраторов.

Питер невольно вспыхнул. Да, герцогиня Кройдонская отличалась потрясающей надменностью, но, как ни странно, в этой ее надменности было что-то удивительно привлекательное. Словно вспышка молнии высветила в памяти Питера одну фотографию – он видел ее в иллюстрированном журнале: герцогиня на жеребце берет высокий барьер. Пренебрегая опасностью, она безукоризненно владела собой, спокойная и величественная. И сейчас у него было такое ощущение, будто он стоит у стремени, а герцогиня возвышается над ним, сидя на лошади.

– Я заместитель главного управляющего. Именно поэтому я и пришел лично узнать обо всем.

В пристально глядевших на него глазах мелькнула усмешка.

– А не слишком ли вы молоды для такой должности?

– Не думаю. Теперь довольно много молодых людей служат управляющими отелей.

Питер заметил, что секретарь незаметно исчез.

– Сколько же вам лет?

– Тридцать два.

Герцогиня улыбнулась. Когда ей хотелось – а в данный момент так оно и было, – лицо ее принимало оживленное, приветливое выражение. Видно, не так уж трудно, подумал Питер, осознать, что все говорят о твоём обаянии.

Герцогиня была лет на пять или на шесть старше его, хотя явно моложе герцога, которому было уже под пятьдесят.

– Вы что же, где-то учились? – спросила герцогиня.

– Да, у меня диплом Корнеллского университета – факультет управления отелями. До перехода сюда я работал заместителем управляющего в

«Уолдорф-Астории». – Питер не без усилия произнес название отеля. Его так и подмывало добавить: «Оттуда меня выкинули с треском, внесли в черный список, и я уже не мог устроиться ни в одном из отелей, входящих в корпорацию. Еще счастье, что сумел найти работу в этом, независимом отеле». Но, конечно, ничего подобного он не сказал, ибо личные невзгоды это твое частное дело, хотя чей-то случайный вопрос и может разбередить старые, незажившие раны.

– Ну уж в «Уолдорфе» никогда бы не потерпели того, что произошло сегодня здесь, – заявила герцогиня.

– Уверяю вас, мадам, что в «Сент-Грегори» тоже не потерпят плохого обслуживания. – Точно мы играем в теннис, подумал Питер, когда мяч то и дело перелетает с одной половины порта на другую. Вот он сейчас возвратится ко мне.

– Плохого обслуживания?! А известно ли вам, что ваш официант вылил соус на моего мужа?

Преувеличение было столь явным, что Питер невольно удивился, зачем ей это нужно. Все это выглядело тем более странно, что отношения между отелем и Кройдонами были всегда хорошими.

– Я слышал, что произошла неприятность, по-видимому, из-за небрежности официанта. И пришел затем, чтобы от имени отеля принести вам извинения.

– Да, но это испортило нам весь вечер, – не унималась герцогиня. – Мы с мужем решили провести спокойно вечер одни, у себя в номере. Лишь на несколько минут вышли прогуляться – обошли квартал и вернулись ужинать. И вдруг такое!

Питер кивал головой, делая вид, будто сочувствует герцогине, но в душе ничего не понимал. Создавалось такое впечатление, будто она намеренно старается закрепить в его памяти этот инцидент.

– Может быть, если я принесу наши извинения герцогу... – предположил Макдермотт.

– В этом нет никакой необходимости, – резко оборвала его герцогиня.

Макдермотт только собрался откланяться, как дверь в гостиную, оставшаяся приоткрытой, резко распахнулась. На пороге стоял герцог.

В противоположность герцогине одет он был довольно небрежно, в смятой белой рубашке и брюках для смокинга. Глаза Питера Макдермотта невольно стали отыскивать злополучное пятно – ведь, по словам герцогини, официант «облил мужа соусом от креветок по-креольски». Наконец Макдермотт обнаружил его – крошечное, чуть заметное пятнышко, которое слуге ничего не стоило бы счистить. В просторной гостиной позади герцога был включен телевизор.

Лицо у герцога было красное, изборожденное морщинами – совсем другое, чем на фотографиях даже последнего времени. В руке он держал стакан с виски.

– О, извините, – произнес он слегка заплетающимся языком. И, обратившись к герцогине, добавил:

– Послушайте, старушка. Я, кажется, забыл сигареты в машине.

– Я сейчас дам вам сигареты, – обрезала его герцогиня. Тон ее исключал возможность дальнейшего разговора – герцог повернулся и ушел в гостиную. Сцена получилась гадкая, неприятная, а главное, непонятно было, отчего там вспыхнула герцогиня.

Повернувшись к Питеру, она рявкнула:

– Я требую, чтобы мистеру Тренту было доложено о происшествии, и будьте любезны довести до его сведения, что я жду от него личных извинений.

Совершенно ошарашенный, Питер вышел из апартаментов, и дверь плотно закрылась за ним.

Однако времени на раздумья у него не оказалось. В коридоре у двери Кройдонов его уже ждал посыльный, который перед этим отправился вместе с Кристиной на четырнадцатый этаж.

– Мистер Макдермотт, – взволнованно сказал он, – мисс Фрэнсис просит вас срочно зайти в тысяча четыреста тридцать девятый, и, пожалуйста,

поскорей!

Минут за пятнадцать до этого, когда Питер Макдермотт, выйдя из лифта, направлялся к президентским апартаментам, посыльный с усмешечкой спросил Кристину:

– Собираетесь стать детективом, мисс Фрэнсис?

– Если бы начальник охраны был на месте, – ответила Кристина, – мне не пришлось бы этим заниматься.

Посыльный Джимми Дакуорт, коренастый лысеющий человек, у которого был женатый сын, работавший в бухгалтерии «Сент-Грегори», презрительно произнес:

– А, этот!

В этот момент лифт остановился на четырнадцатом этаже.

– Нам нужен тысяча четыреста тридцать девятый, Джимми, – сказала Кристина, и оба разом повернули направо. При этом у Кристины мелькнула мысль, что, хотя каждый из них и хорошо знаком с «географией» отеля, изучали они ее по-разному: посыльный исходил его вдоль и поперек, много лет сопровождая клиентов из вестибюля в номера; она же знала «Сент-Грегори» по планам каждого этажа, которые часто листала и которые запечатлелись в ее памяти.

Если бы пять лет тому назад, подумала Кристина, в университете штата Висконсин кто-нибудь спросил, чем будет заниматься через несколько лет Крис Фрэнсис, в то время двадцатилетняя способная студентка, увлекавшаяся иностранными языками, то даже человек с самой буйной фантазией не мог бы представить себе ее работающей в отеле в Новом Орлеане. В ту пору она мало что знала об этом городе и еще меньше интересовалась им. В школе она читала о том, как Луизиану откупили у Франции в начале девятнадцатого века и тогда же видела в театре "Трамвай «Желание» <пьеса известного американского драматурга Теннесси Уильямса, написанная в 1947 г.>. Но когда она переехала на Юг, оказалось, что ее представления об этих местах безнадежно устарели. Трамваи превратились в дизельные автобусы, а «Желанием» именовалась захолустная улица в восточной части города, куда туристы редко

наведывались.

Наверно, она потому и поселилась в Новом Орлеане, что почти ничего не знала о нем. После того, что произошло в Висконсине, подавленная, не очень понимая, как жить дальше, она просто искала такое место, где бы ее никто не знал и она никого и ничего бы не знала. Знакомые вещи, прикосновение к ним, самый их вид вызывали в ее душе одну только боль, такую всепоглощающую, что она не проходила ни днем ни ночью. Как ни странно Кристина даже стыдилась этого, – она никогда не видела снов. Она только помнила в мельчайших деталях всю цепь событий того трагического дня в аэропорту Мэдисона. Она приехала туда проводить родных, улетающих в Европу. Перед ее глазами, как сейчас, стояла мать, веселая, возбужденная, с приколотой к костюму орхидеей, которую подруга прислала ей по почте с пожеланиями доброго пути; отец – благодушно настроенный и довольный тем, что целый месяц всеми реальными и выдуманскими недугами его пациентов будет заниматься кто-то другой. Он еще курил трубку и, когда объявили посадку, выбил ее о свой каблук. Бэбс, старшая сестра Кристины, обняла ее, и даже Тони, который был на два года моложе и не переваривал проявления на людях каких-либо чувств, милостиво разрешил ей поцеловать себя.

– До свидания, Сарделька! – прокричали ей Бэбс и Тони.

Кристина только улыбнулась этому дурацкому прозвищу, которым брат и сестра любовно наградили ее, потому что она была серединкой в сандвиче, который они втроем составляли. Все, конечно, клятвенно обещали писать, хотя она должна была присоединиться к ним в Париже через две недели, после сдачи экзаменов. Наконец мать крепко обняла ее и велела беречь себя. А несколько минут спустя огромный турбовинтовой лайнер вырулил на взлетную полосу и с ревом величественно оторвался от земли, но не успел он взлететь, как накренился на крыло и штопором пошел вниз, – на миг все застлало облако пыли, затем пламя, и, наконец, на земле осталась лишь куча обломков – остатки машины и останки человеческие.

Это случилось пять лет тому назад. Через две-три недели Кристина уехала из штата Висконсин и больше никогда туда не возвращалась.

Ее шаги и шаги посыльного заглушал ковер, устилавший пол в коридоре.

Джимми Дакуорт, шедший чуть впереди, заметил вслух:

– Номер тысяча четыреста тридцать девятый! Знаю! Там живет престарелый джентльмен – мистер Уэллс. Дня два назад мы переселили его из угловой комнаты.

Впереди них в коридоре открылась дверь, и из комнаты вышел хорошо одетый мужчина лет сорока. Запирая за собою дверь и пряча ключ в карман, он замешкался: Кристина явно заинтересовала его. Он уже собрался было с ней заговорить, но посыльный чуть заметно покачал головой. Кристина, которая все это прекрасно заметила, решила, что ей, наверно, следует быть польщенной: ведь ее приняли за девицу, приходящую по вызову. А по слухам, Херби Чэндлер поставлял отменных красоток.

Когда они прошли мимо искателя приключений, Кристина спросила:

– А почему мистера Уэллса перевели в другой номер?

– Я слышал, мисс, будто тот, кто раньше жил в тысяча четыреста тридцать девятом, устроил скандал. Вот и решили поменять их местами.

Да, теперь Кристина вспомнила, что и прежде были жалобы на эту комнату. Она была расположена рядом со служебным лифтом и к тому же под полом там сходились все отопительные трубы отеля. В результате комната была шумная и невыносимо душная. В каждом отеле есть, по крайней мере, одна такая комната, – иногда ее даже называют «веселой» и сдают лишь в тех случаях, когда свободных номеров нет.

– Но почему же мистера Уэллса из приличного номера переселили сюда?

Посыльный пожал плечами.

– Об этом лучше спросите портье.

– Но ведь у вас на этот счет наверняка есть своя версия! – настаивала Кристина.

– Видите ли, по-моему, его переселили потому, что он никогда ни на что не жалуется. Этот джентльмен уже много лет останавливается в нашем отеле,

и никто никогда не слышал от него ни единой жалобы. Так что, наверно, кое-кому захотелось поиздеваться над ним. – Джимми Дакуорт заметил, как Кристина в гневе поджала губы, и, помолчав, продолжал:

– Я слышал, что в ресторане ему дали столик рядом с кухонной дверью, куда до него никто не хотел садиться. А ему это вроде бы даже все равно.

Зато завтра кое-кому это будет совсем небезразлично, мрачно подумала Кристина. Уж она об этом позаботится. При одной мысли о том, что с их постоянным клиентом, к тому же человеком тихим и скромным, так возмутительно обошлись, она почувствовала, как свирепеет. Ну и прекрасно.

В отеле знают ее крутой нрав. До нее даже доходили слухи, будто некоторые считают, что ее сердитое лицо очень подходит к рыжим волосам. В большинстве случаев она все же сдерживалась, но иногда, стремясь добиться своего, проявляла характер.

Они завернули за угол и остановились у двери номера 1439. Посыльный постучал. Они ждали, прислушиваясь. Тишина. Джимми Дакуорт снова постучал, на этот раз громче. В ответ послышался слабый стон сначала еле слышный, он постепенно нарастал и вдруг умолк так же внезапно, как начался.

– Где запасной ключ? Открывайте дверь, быстрее! – приказала Кристина.

Она отступила, пропуская вперед посыльного: даже при явно критической ситуации следует соблюдать правила приличия, принятые в отеле. В номере было темно; Дакуорт включил верхний свет и исчез за выступом стены. Почти тотчас же он позвал Кристину:

– Мисс Фрэнсис! Идите-ка сюда!

Войдя в комнату, Кристина сразу почувствовала, что там невероятно жарко и душно, хотя регулятор кондиционера стоял на отметке «прохладно».

Но только это она и успела заметить, так как через секунду все ее внимание уже было поглощено несчастном человечком, который полусидел-полулежал в кровати, откинувшись на подушки. Она признала в нем Альберта Уэлса, маленького старичка, похожего на воробышка. Лицо его

было пепельно-серым, глаза выкатывались из орбит, губы дрожали, он отчаянно хватал ртом воздух.

Кристина быстро подошла к кровати. Несколько лет тому назад в клинике отца она видела одного пациента в состоянии агонии – он так же задыхался, как Уэллс. Отец принял тогда меры – всего она не удержала в голове, но кое-что вспомнила.

– Откройте окна, – решительно приказала она Дакуорту. – Здесь нужен свежий воздух.

Посыльный не мог оторвать взгляда от лица лежавшего человека.

– Но все окна запечатаны, – растерянно ответил он. – Это сделано специально из-за кондиционера.

– Так вскройте их. А если понадобится, разбейте.

Кристина уже схватила трубку стоявшего у кровати телефона. Услышав голос телефонистки, она сказала:

– Говорит мисс Фрэнсис. Доктор Ааронс в отеле?

– Нет, мисс Фрэнсис. Но он оставил номер телефона. Если что-то срочное, я могу ему позвонить.

– Очень срочное. Передайте доктору Ааронсу, что он нужен в тысяча четыреста тридцать девятом, и поторопите его, пожалуйста. Спросите, сколько времени займет у него дорога до отеля, и перезвоните мне.

Положив трубку, Кристина повернулась к больному. Хрупкий, тщедушный старичок дышал тяжелее прежнего, и ей показалось, что лицо его из пепельно-серого стало синеватым. Он снова принялся стонать. Эти-то стоны они и слышали в коридоре. Он пытался сделать выдох, и дыхание не устанавливалось главным образом потому, что он был очень истощен физически, и сил у него не хватало.

– Мистер Уэллс, – сказала Кристина, стараясь, чтобы голос ее звучал спокойно, хотя сама она была далека от спокойствия. – Мне кажется, вам будет легче дышать, если вы перестанете ворочаться. – Она уже заметила,

что посыльный успешно справляется с окном: вешалкой для платья он сорвал пломбу с ручки и теперь пытался поднять нижнюю половину окна.

Как бы в ответ на слова Кристины приступ удушья у старика стал утихать. На нем была старомодная фланелевая ночная рубашка, и Кристина, просунув руку ему под спину, почувствовала, несмотря на толщину материи, какие у него костлявые плечи. Другой рукой она взяла подушки и подложила их так, чтобы старик мог опереться на них и не падать. Все это время он внимательно смотрел на нее – глаза у него были как у затравленного животного, но в них светилась благодарность.

– Я послала за доктором, – сказала Кристина, чтобы приободрить его. Он будет здесь с минуты на минуту.

Пока она успокаивала старика, посыльный поднатужился, крикнул, и нижняя половина окна скользнула вверх. В комнату тотчас хлынул прохладный воздух. Значит, гроза все-таки идет на юг, обрадованно подумала Кристина, и сразу появился ветерок. Теперь температура на улице понизится, и так продержится несколько дней. Тем временем Альберт Уэллс с жадностью глотал свежий воздух. Зазвонил телефон. Подозвав посыльного и знаком велел занять ее место возле больного, Кристина сняла трубку.

– Доктор Ааронс уже выехал, мисс Фрэнсис, – сообщила телефонистка. Он в Парадизе и просил передать, что будет в отеле минут через двадцать.

Кристина задумалась. Парадиз – на другом берегу Миссисипи, за Алджирсом. Даже при самой быстрой езде за двадцать минут доктор едва ли доберется сюда. К тому же она не раз сомневалась в компетентности доктора Ааронса, тучного, чрезмерно увлекавшегося коктейлем «сазерак» человека, которому отель предоставлял бесплатное жилье, оговорив право вызывать его в любое время.

– Я не уверена, что мы можем так долго ждать, – помолчав, сказала Кристина телефонистке. – Посмотрите-ка в картотеке, нет ли среди наших гостей врача?

– Я уже посмотрела. – В ответе послышалось легкое самодовольство, как будто девушка специально читала о телефонистках, совершающих героические поступки, и твердо решила стать одной из них. – В номере

двести двадцать один живет доктор Кениг, а в тысяча двести третьем – доктор Аксбридж.

Кристина записала номера в блокнот, лежавший рядом с телефоном.

– Хорошо. Пожалуйста, соедините меня с двести двадцать первым.

Врачи, останавливающиеся в отелях, естественно, вправе рассчитывать на то, что их не станут тревожить. Однако в экстренных случаях неписанные эти правила все же нарушаются.

В трубке несколько раз прогудело, потом заспанный голос с явным тевтонским акцентом спросил:

– Да? Кто говорит?

Кристина представилась.

– Простите за беспокойство, доктор Кениг, но одному из наших гостей очень плохо. – Она перевела взгляд на кровать. Лицо у старика вроде бы уже не было таким синюшным, но он был все еще очень бледный, даже серый и дышал с большим трудом. – Может быть, вы могли бы его осмотреть, добавила она.

Наступило молчание. Потом тот же голос мягко и любезно произнес:

– Милая барышня, я был бы счастлив, если бы моя скромная особа могла вам оказаться полезной. Но, боюсь, увы, что не смогу вам помочь. – В трубке раздался легкий смешок. – Дело в том, что я доктор музыковедения и прибыл в ваш чудесный город в качестве гастролера, чтобы дирижировать вашим превосходным симфоническим оркестром.

Несмотря на тревогу, вызванную состоянием старика, Кристина чуть не прыснула со смеху.

– Мне очень жаль, что я побеспокоила вас, – сказала она.

– Пусть это вас не волнует. Конечно, если мой неудачливый сосед останется – как бы это получше сказать? – без помощи доктора другого рода, я могу принести скрипку и поиграть ему. – В трубке послышался

глубокий вздох. – Что может быть прекраснее, чем умереть под адажио Вивальди или Тартини – да еще в превосходном исполнении.

– Благодарю вас. Надеюсь, этого не потребуется. – Ей уже не терпелось поскорее повесить трубку и позвонить в другой номер.

Доктор Аксбридж из номера 1203 тотчас ответил на звонок. Выслушав первый вопрос Кристины, он деловито произнес:

– Да, я медик, работаю в больнице. – И стал слушать ее рассказ о состоянии больного, а затем отрезал:

– Сейчас иду.

Кристина повернулась к посыльному, все еще сидевшему у кровати.

– Мистер Макдермотт находится в президентских апартаментах. Пойдите туда и попросите его, как только он освободится, побыстрее подняться сюда.

– Она снова сняла с рычага трубку. – Соедините меня, пожалуйста, с главным инженером.

К счастью, можно было не сомневаться в том, что главный инженер окажется на месте. Док Викери был холостяк, он жил в отеле, и у него была одна-единственная страсть – машины, а в данном случае все механизмы, установленные в «Сент-Грегори» от подвалов и до крыши. На протяжении уже четверти века после того, как Док Викери расстался с морем и с берегами родного Клайда, он наблюдал за установкой большинства этих механизмов, а в тяжелые годы, когда денег на замену изношенных деталей не хватало, умудрялся подлатать усталую машину и убедить ее поработать еще немного.

Инженер питал слабость к Кристине – больше, чем к кому-либо в отеле. Через минуту в трубке послышался его бас с сильным шотландским акцентом.

Кристина в двух словах рассказала о состоянии Альберта Уэллса.

– Доктор еще не пришел, но, видимо, понадобится кислород. У нас ведь

есть переносной аппарат, не так ли?

– Да, Крис, у нас есть баллоны с кислородом, но мы используем их только для автогенной сварки.

– Кислород есть кислород, – отрезала Кристина, вспомнив кое-что из рассказов отца. – И совсем неважно, в каких он баллонах. Не могли бы вы попросить кого-нибудь из своих ночных дежурных побыстрее доставить его сюда?

Инженер буркнул:

– Ладно. Да я и сам приду, лапочка, вот только натяну штаны. А то какой-нибудь шалопай еще откроет баллон с ацетиленом под носом у вашего подопечного, и тогда ему наверняка крышка.

– Поторопитесь, пожалуйста! – Кристина положила трубку и вернулась к постели больного.

Глаза у старика были закрыты. Он уже не задыхался, но словно бы и вообще не дышал.

В открытую дверь кто-то слегка стукнул, и в комнату вошел высокий, худощавый человек. У него было длинное лицо, волосы на висках начинали седеть. Из-под темно-синего, несколько старомодного пиджака виднелась бежевая пижама.

– Аксбридж, – представился он тихо, но твердо.

– Доктор, – начала было Кристина, – вот только что...

Доктор кивнул и быстро вытащил стетоскоп из кожаного чемоданчика, который он поставил на кровать. Не теряя времени, он сунул стетоскоп под фланелевую рубашку больного и прослушал грудь, затем спину. Потом быстро вынул из чемоданчика шприц, надел иглу и отломил головку у маленькой стеклянной ампулы. Набрав жидкости в шприц, он наклонился над кроватью, засучил рукав ночной рубашки старика, скатал его в тугий жгут и приказал Кристине:

– Держите, чтоб не сдвинулся, и покрепче.

Тампоном со спиртом доктор Аксбридж протер кожу над веней и воткнул иглу. Кивком головы указал на жгут:

– Теперь можете отпустить.

Поглядывая на часы, он начал медленно вводить жидкость.

Кристина повернулась, пытаясь поймать взгляд доктора. Не поднимая головы, он сообщил ей:

– Аминофилин – для стимуляции сердца. – И снова посмотрел на часы, постепенно вводя лекарство. Прошла минута. Две. Шприц наполовину опустел.

Результата пока не было.

– Что с ним? – шепотом спросила Кристина.

– Тяжелый бронхит, осложненный астмой. Думаю, у него уже бывали такие приступы.

Внезапно грудь старика приподнялась. И он задышал – правда, не так часто, как прежде, но глубже и спокойнее. Потом открыл глаза.

Напряжение в комнате разрядилось. Доктор вытащил шприц и стал его разбирать.

– Мистер Уэллс, – окликнула больного Кристина. – Мистер Уэллс, вы меня слышите?

Старик кивнул несколько раз. Глаза его снова с собачьей преданностью смотрели на нее.

– Вам было очень плохо, мистер Уэллс, когда мы сюда пришли. Это доктор Аксбридж, наш постоялец, он пришел помочь вам.

Старик перевел взгляд на доктора.

– Благодарю вас, – произнес он с усилием, вернее, не произнес, а выдохнул, но все же что-то сказал. Лицо его постепенно стало приобретать

нормальный цвет.

– Если кого и нужно здесь благодарить, так это молодую леди. – Доктор холодно, натянуто улыбнулся. – Джентльмен еще не оправился, – заметил он, обращаясь к Кристине, – и без медицинской помощи ему не обойтись. Мой совет – немедленно отправить его в больницу.

– Нет, нет! Я не хочу в больницу! – мгновенно отреагировал старик. Он весь подался вперед, настороженно глядя на присутствующих, и даже выпростал руки из-под одеяла, которым чуть раньше накрыла его Кристина.

Просто удивительно, подумала она, как может измениться человек за какие-то несколько минут. Дышал он, правда, все еще с трудом и порой даже хрипло, но видно было, что острый момент прошел.

Только сейчас Кристина впервые как следует рассмотрела его. Вначале ей казалось, что ему чуть больше шестидесяти, а сейчас она прибавила ему лет пять. Он был щупленький, маленький, сутуловатый, с тонкими, острыми чертами лица, что в целом придавало ему сходство с воробьем. Волосы, вернее, остатки волос, он обычно зачесывал назад редкими седыми прядями, но сейчас они растрепались и взмокли от пота. В общем он производил впечатление человека кроткого, незлобивого, даже выражение лица у него было какое-то извиняющееся, однако Кристина подозревала, что на самом деле это человек упорный и решительный.

Впервые она увидела Альберта Уэллса два года тому назад. Он неуверенно вошел в кабинет администратора – речь шла об ошибке, которую он обнаружил в предъявленном ему счете, а портье не соглашался с ним.

Кристина вспомнила, что речь шла о сумме в семьдесят пять центов, и хотя кассир, как это всегда бывало в подобных случаях, когда клиент начинал спор из-за пустяков, предложил ему просто не платить этих денег, Альберт Уэллс желал непременно доказать, что произошла ошибка при подсчете.

Терпеливо расспросив старичка, Кристина удостоверилась, что он прав, и, поскольку она сама нередко испытывала приступы бережливости – правда, перемежавшиеся с чисто женским, неумным транжирством, – она поняла его и почувствовала к нему уважение. К тому же, взглянув на скромный счет и на костюм старичка, явно купленный в магазине готового платья,

Кристина решила, что он ограничен в средствах, возможно, живет на одну только пенсию и ежегодные наезды в Новый Орлеан являются, по-видимому, самыми яркими моментами в его жизни.

– Я не люблю больниц, – решительно объявил сейчас Альберт Уэллс. Никогда их не любил.

– Если вы останетесь здесь, в отеле, – заметил доктор, – вам нужно обеспечить постоянную врачебную помощь и круглосуточное дежурство медицинской сестры. К тому же вам необходимо время от времени дышать кислородом.

– Но в отель можно пригласить медсестру, – настаивал старик. – Можно ведь, мисс, правда? – обратился он к Кристине.

– Полагаю, что можно, – ответила она. Видимо, Альберт Уэллс действительно не переносил больницы. Настолько, что даже забыл о своем обычном нежелании причинять беспокойство. Интересно, подумала Кристина, а знает ли он, сколько стоит частная медсестра.

В коридоре послышался шум, и разговор их прервался. Вошел механик в спецовке, везя на тележке баллон с кислородом. Следом за ним появилась квадратная фигура главного инженера; в руках у него была длинная резиновая трубка, моток проволоки и пластиковый мешок.

– Это, конечно, не больничное оборудование, Крис, – заметил он, хотя, надеюсь, действовать будет. – Одевался он явно второпях – натянул брюки, рубашку и старый твидовый пиджак; рубашка была не застегнута, и из-под нее выглядывала волосатая грудь. На ногах у него болтались разношенные сандалии; на кончике носа, под высоким лысым лбом, висели очки в толстой оправе. Сейчас с помощью проволоки он начал прикручивать пластиковый мешок к трубке и одновременно велел механику, нерешительно топтавшемуся на месте:

– А ну-ка, парень, ставь баллон у кровати. Если будешь шевелиться так медленно, боюсь, кислород придется давать тебе.

Доктор Аксбридж в изумлении взирал на все это. Кристина объяснила, что это была ее идея – насчет кислорода, и представила главного инженера.

Руки у того были заняты, и он кивнул, бросив на доктора быстрый взгляд поверх очков. Через минуту трубка была уже подсоединена.

– Эти пластиковые мешки удушили немало народу. Так почему бы одному из них не послужить на благо человеку? Как вы думаете, доктор, удастся нам такое?

Доктор Аксбридж держался теперь уже менее отчужденно.

– Думаю, он вполне подойдет. – И посмотрел на Кристину. – Похоже, что в этом отеле работают весьма компетентные люди.

Она засмеялась.

– Подождите, пока мы не напутаем чего-нибудь с вашей броней на номер.

Доктор вновь подошел к постели больного.

– Кислород вам поможет, мистер Уэллс, вы сразу почувствуете себя лучше. Думаю, что и раньше у вас уже бывали такие приступы бронхиальной астмы.

Альберт Уэллс кивнул.

– Бронхит я заполучил еще когда был шахтером, – сказал он хрипло. Астмой заболел позже. – И, посмотрев на Кристину, добавил:

– Очень сожалею, что так все получилось, мисс.

– Я тоже сожалею. Видимо, это произошло потому, что вас перевели в другой номер.

Главный инженер подсоединил свободный конец резиновой трубки к зеленому баллону.

– Начнем с пяти минут, – сказал доктор Аксбридж. – Пять минут кислород, пять минут – отдых.

Совместными усилиями они соорудили некое подобие маски у лица больного. Ровное шипение показало, что кислород пошел.

Доктор посмотрел на часы и спросил:

– За здешним врачом послали?

Кристина пояснила насчет доктора Ааронса.

Доктор Аксбридж одобрительно кивнул.

– Значит, он возьмется за лечение, как только приедет. Я ведь из Иллинойса, и разрешения практиковать в Луизиане у меня нет. – Он наклонился к Альберту Уэллсу. – Ну как, легче?

Старик утвердительно наклонил голову под маской из пластикового мешка.

В коридоре слышались решительные шаги, и на пороге появился Питер Макдермотт. Его высокая фигура заполнила собою весь дверной проем.

– Мне передали вашу просьбу, – сказал он Кристине. И, взглядом указав на кровать, спросил:

– Обойдется?

– Надеюсь, хотя мне кажется, что мы в долгу перед мистером Уэллсом.

Поманив Питера, она вышла с ним в коридор и, со слов посыльного, рассказала ему, как старику поменяли номер. Видя, что Питер насупился, она добавила:

– Если он останется в отеле, надо перевести его в другую комнату, и, думается, мы без особых трудностей сумеем вызвать к нему медицинскую сестру.

Питер кивнул. Напротив, в комнате горничных, был внутренний телефон.

Питер снял трубку и вызвал портье.

– Я на четырнадцатом этаже, – сказал он ответившему клерку. – Есть здесь свободная комната?

Наступила долгая пауза. Портье, дежуривший этой ночью, был одним из давних служащих отеля, из тех, кого нанимал на работу еще сам Уоррен

Трент. Он выполнял свои обязанности, ни с кем не советуясь, и мало кто пытался оспорить его решения. Макдермотту он уже дважды давал понять, что не потерпит помыканий со стороны всяких пришлых, особенно если они моложе его, да к тому же прибыли с Севера.

– Ну, так как же, – снова спросил Питер, – есть свободная комната на этаже или нет?

– Тысяча четыреста десятый свободен, – ответил наконец клерк, старательно подражая выговору плантаторов-южан, – но я уже размещаю в нем только что приехавшего джентльмена. – И добавил:

– Вы, видимо, еще не знаете, что отель почти полон.

Номер 1410 Питер отлично знал. Это была большая, просторная комната, окнами выходившая на авеню Сент-Чарльз.

– Если я займу тысячу четыреста десятый, – вполне резонно спросил он, – сможете вы предложить что-либо еще тому джентльмену?

– Нет, мистер Макдермотт. У меня остался лишь небольшой «люкс» на пятом этаже, а этот джентльмен не хочет платить так дорого.

– В таком случае пусть он сегодня переночует в «люксе», а заплатит, как за обычную комнату, – отрезал Питер. – Утром переселите его. А пока я занимаю тысяча четыреста десятый – перевожу туда Уэллса из тысяча четыреста тридцать девятого. Пожалуйста, сейчас же направьте сюда посыльного с ключом.

– Одну минуту, мистер Макдермотт. – Если раньше голос клерка звучал безразлично, то теперь в нем появилась откровенная наглость. – Мистер Трент всегда придерживался той точки зрения, что...

– Сейчас речь идет о моей точке зрения, – оборвал его Питер. – И еще одно: перед уходом с дежурства оставьте записку сменщику и сообщите ему, чтобы утром он представил мне объяснение, почему мистер Уэллс был переведен в тысяча четыреста тридцать девятый номер. Можете, кстати, добавить: пусть поищет причину повесомее.

Он положил трубку и подмигнул Кристине.

***

– Вы, должно быть, просто лишились рассудка, – сказала герцогиня Кройдонская. – Окончательно и бесповоротно. – Разговор этот происходил в гостиной президентских апартаментов, куда герцогиня вернулась после того, как выпроводила Питера Макдермотта и плотно закрыла за ним дверь.

Герцог заерзал в своем кресле – он всегда чувствовал себя неудобно, когда жена отчитывала его.

– Да, чертовски нескладно получилось, дорогая. Телевизор был включен.

Я ничего не слышал. Думал, что этот малый уже убрался, восвояси. – Он сделал большой глоток виски с содовой из стакана, который нетвердо держал в руке, и жалобно добавил:

– Кроме того, я дьявольски расстроен всем случившимся.

– Нескладно получилось! Расстроен! – В голосе герцогини зазвучали необычные для нее истерические нотки. – Вы говорите так, будто это какая-то игра. Будто все, что случилось сегодня вечером, не может повлечь за собой краха...

– Я вовсе так не думаю. Знаю, что это очень серьезно. Чертовски серьезно! – съежившись в глубоком кожаном кресле, он казался жалким и маленьким – ни дать ни взять мышонок в котелке набекрень, которого так любят изображать английские карикатуристы.

– Я сделала все возможное, – с укором продолжала герцогиня, – все, на что была способна, чтобы после вашего неслыханного безрассудства создать видимость, будто мы оба преспокойно сидели весь вечер в отеле. Я даже придумала небольшую прогулку перед ужином на случай, если кто-либо заметил, как мы входили в отель. И вдруг вы с совершенно идиотским видом вваливаетесь и во всеуслышанье объявляете, что забыли сигареты в машине.

– Это же слышал всего один человек. Этот управляющий. Он и внимания не обратил.

– Нет, обратил. Я поняла это по выражению его лица. – Герцогиня прилагала немалые усилия, чтобы сохранить самообладание. – Вы хоть немного понимаете, в какую историю вы попали?

– Я уже сказал, что все понимаю. – Герцог допил виски и тупо уставился на пустой стакан. – И мне чертовски стыдно. Но если б вы меня не уговорили... Если б я не был навеселе...

– Вы были просто пьяны! Вы были пьяны, когда я обнаружила вас, и до сих пор не протрезвели.

Герцог потряс головой, словно хотел сбросить одурь.

– Нет, теперь я уже трезв. – Настал его черед ожесточиться. – Вам, конечно, необходимо было меня разыскивать. Сунуть нос, куда не следовало.

Вы не могли не вмешаться...

– Не в этом дело. Сейчас важно другое.

Он повторил:

– Это вы уговорили меня...

– Так ведь не было же другого выхода! Не было! А так – хоть какой-то есть шанс...

– Не уверен. Если полиция займется этим делом...

– Сначала нужно, чтобы заподозрили. Вот почему я и подняла весь этот скандал с официантом и гну свою линию. Хоть это и не алиби, но все же... У них уже засело в мозгу, что вечером мы были в отеле... вернее, засело бы, если бы не встряли вы со своими сигаретами. Я просто готова расплакаться.

– Вот это было бы интересно! – воскликнул герцог. – А то ведь я до сих пор считал, что в вас нет ничего от женщины. – Он выпрямился в кресле и

сразу как бы сбросил все свое смирение. Словно хамелеон, он иной раз так менялся, что трудно было понять, какой же он в действительности.

Герцогиня вспыхнула – румянец еще сильнее подчеркнул ее безупречную красоту.

– Доказательств, по-моему, не требуется.

– Возможно. – Герцог встал, подошел к небольшому столику в углу комнаты, налил в стакан изрядное количество виски и плеснул немного содовой. – И все же, – не оборачиваясь, добавил он, – должен вам заметить, что именно это лежит в основе всех наших неприятностей.

– Ничего подобного. Все дело в ваших привычках, а не во мне. Это же было сущим безумием – поехать в отвратительный игорный притон, да еще с женщиной...

– Вы ведь уже высказались по этому поводу, – устало отмахнулся герцог. – Исчерпывающе. По дороге в отель. До того, как все случилось.

– Не уверена, что мои слова дошли до вашего сознания.

– Ваши слова, моя дорогая, способны пробить самые тупые мозги. Я всю жизнь пытаюсь сделать так, чтоб они меня не задевали. Но пока безуспешно.

– Герцог отхлебнул из стакана. – Почему вы вышли за меня замуж?

– Очевидно, потому, что среди людей, окружавших меня, вы казались мне тем, кто стремится что-то делать. Ведь говорят же, будто аристократия неспособна к действию. А вы производили впечатление человека, опровергавшего это мнение.

Герцог поднес стакан к глазам и принялся его разглядывать так, словно перед ним был хрустальный шар.

– А теперь я это мнение уже не опровергаю, так?

– Если вы еще что-то и значите в глазах других, то лишь благодаря моим стараниям и поддержке.

– Вы имеете в виду Вашингтон?

– Да, это назначение можно было бы получить, – сказала герцогиня, если бы мне удалось удерживать вас в вашей собственной постели и в трезвом состоянии.

– Ага! – Герцог натянуто рассмеялся. – Чертовски холодная постель.

– Я уже говорила, что ни к чему вас не принуждаю.

– А вы когда-нибудь задумывались, почему я женился на вас?

– У меня есть на этот счет мнение.

– Я сейчас скажу вам главное. – Он снова отпил из стакана, как бы желая себя взбодрить, и глухо проговорил:

– Я хотел положить вас к себе в постель. Быстро. И на законных основаниях. Знал, что это единственный путь.

– Поразительно, как это вы решились на подобную затрату сил. Ведь у вас такой выбор – до женитьбы был и после.

Герцог смотрел ей в лицо налитыми кровью глазами.

– А мне не нужны были другие. Мне нужны вы. И сейчас нужны.

– Хватит! – отрезала она. – Вы слишком далеко зашли.

Он покачал головой.

– Нет, вы меня все-таки дослушайте. Слишком много в вас гордости, моя дорогая. Царственной. Неукротимой. Это-то и влекло меня к вам. Ломать мне вас не хотелось. Хотелось приобщиться к ней. Чтоб вы лежали передо мной.

Распластанная. Дрожащая от страсти.

– Замолчите! Замолчите! Вы... вы пошляк! – В лице у герцогини не было ни кровинки, голос звенел и срывался. – И мне наплевать, если вас схватит полиция! Пусть – я буду только рада! Буду только рада, если вы получите

свои десять лет!

Закончив переговоры с портье, Питер Макдермотт пересек коридор и вернулся в номер 1439.

– С вашего разрешения, – сказал он, обращаясь к доктору Аксбриджу, мы переведем пациента в другую комнату на этом же этаже.

Высокий худощавый доктор, так быстро откликнувшийся на зов Кристины, кивнул в знак согласия. Он окинул взглядом крохотную комнату, под полом которой скрещивалось столько разных труб отопительной и водопроводной систем.

– В любом случае хуже не будет.

Доктор направился к больному – настало время снова давать ему кислород, – а Кристина напомнила Питеру:

– Теперь нужно подумать о медицинской сестре.

– Этим пусть займется доктор Ааронс. – И, размышляя вслух, Питер добавил:

– Поскольку вызывать сестру, насколько я понимаю, будет отель, значит, она потом с нас может потребовать деньги. Как вы думаете, ваш друг Уэллс в состоянии будет оплатить счет?

Они вышли в коридор и стали говорить тише.

– Именно это меня больше всего и волнует. Не думаю, чтобы у него было много денег.

Питер подметил, что, когда Кристина чем-то озабочена, она очаровательно морщит нос. Ему приятно было, что она стоит рядом, приятен был слабый аромат ее духов.

– Ну, что ж, – сказал Питер, – вряд ли мы по уши залезем в долги до завтрашнего утра. К тому времени бухгалтерия наведет справки.

– Все готово, – сказала она, вернувшись.

– Самое лучшее – поменять кровати, – сказал Питер. – Давайте перетащим эту в тысяча четыреста десятый, а кровать из той комнаты перенесем сюда.

Но дверной проем оказался слишком узким. Альберт Уэллс, к которому уже вернулись и дыхание, и более или менее нормальный цвет лица, вдруг заявил:

– Я за свою жизнь немало исходил – могу и сейчас пройтись немножко.

Однако доктор Аксбридж решительно покачал головой.

Главный инженер измерил ширину проема и кровати.

– Я сниму дверь с петель, – сказал он больному. – И тогда вы, словно пробка из бутылки, выскочите отсюда.

– Да не надо этого, – сказал Питер. – Есть способ более быстрый, если вы, мистер Уэллс, не будете возражать.

Старик улыбнулся и кивнул.

Тогда Питер нагнулся, закутал старика в одеяло и легко поднял в воздух.

– У тебя сильные руки, сынок, – сказал старик.

Питер улыбнулся и, словно ребенка, понес свою ношу по коридору в другую комнату.

Через какие-нибудь четверть часа все уже было налажено и шло как по маслу. Благополучно перетащили в новое помещение и кислородный баллон, хотя в нем теперь не было такой острой нужды, поскольку комната 1410 была большой, просторной, под ней не проходили горячие трубы парового отопления и, следовательно, дышалось здесь легче. Штатный врач отеля доктор Ааронс наконец прибыл – величественный, благодушный, окруженный запахом виски. Он охотно принял предложение доктора Аксбриджа, который вызвался заглянуть на следующий день и проконсультировать больного, равно как и сразу согласился с его рекомендацией применить кортизон, чтобы предотвратить повторение приступа. Частная медицинская сестра, вызванная по телефону ее добрым знакомым доктором Ааронсом («Приятная новость, моя дорогая! Снова

будем работать вместе!») была уже где-то на пути в отель.

Когда главный инженер и доктор Аксбридж уходили, Альберт Уэллс уже спокойно спал.

Вслед за Кристиной вышел в коридор и Питер, осторожно закрыв за собою дверь, – с больным остался лишь доктор Ааронс; в ожидании медицинской сестры он бесшумно ходил по комнате, напевая себе под нос куплеты Тореадора из оперы «Кармен». Замок щелкнул, и мурлыканья доктора не стало слышно.

Часы показывали без четверти двенадцать.

– Я рада, что мы оставили его здесь, в отеле, – сказала Кристина, направляясь к лифту.

Питер удивился.

– Это вы о мистере Уэллсе? А почему мы должны были его выдворять?

– В другом месте его бы не оставили. Вы ведь знаете, какие люди: чуть что не так – пусть самая мелочь, и никто палец о палец не ударит. Отель ведь существует для того, чтоб люди приезжали, регистрировались и, уезжая, не забывали платить по счету – вот и все.

– Все равно как на фабрике сосисок. Нет, настоящий отель должен быть гостеприимным и помогать клиенту, когда это нужно. В лучших отелях так оно и было. К сожалению, многие работающие в нашей области забыли это правило.

Она с любопытством смотрела на него.

– Вам кажется, что мы и здесь забыли об этом?

– Черт подери, конечно! Во всяком случае, часто забываем. Будь моя воля, я бы многое здесь изменил... – Он вдруг умолк, смущенный собственным признанием. – Да что там. Чаще всего подобные предательские мысли я держу при себе.

– А не должны бы. И потом, уж если вы их высказали, то не должны

стыдиться. – Кристина имела в виду то обстоятельство, что в «Сент-Грегори» многое делалось не так и в последние годы отель существовал за счет былой славы. К тому же теперь отель стоял уже перед финансовым кризисом, а это может повлечь за собой необходимость решительных перемен, независимо от того, будет его владелец Уоррен Трент за них или против.

– Бывают кирпичные стены, которые головой не пробьешь, – возразил Питер. – Тут уж ничего поделать нельзя. У.Т. не признает новых идей.

– Но это не причина, чтобы опускать руки.

Он рассмеялся.

– Вы говорите, как женщина.

– А я и есть женщина.

– Знаю, – сказал Питер. – Теперь уже начал это замечать.

А ведь и в самом деле, подумал он. Все это время, что они были знакомы с Кристиной, то есть с момента его появления в «Сент-Грегори», она существовала для него постольку-поскольку. И лишь в последнее время он все больше стал замечать, что она привлекательна и незаурядна. Интересно, что она собирается делать сегодня вечером.

– А ведь я сегодня еще не ужинал, – нащупывая почву, заметил Питер. Вы бы не возражали, хоть и поздно, поужинать вместе?

– Обожаю ужинать поздно, – сказала Кристина.

Они уже подошли к лифту, как вдруг Питер вспомнил:

– У меня есть еще одно дело. Я послал Херби Чэндлера выяснить, что там происходит на одиннадцатом этаже, но как-то я ему не доверяю. Вот только проверю лично и буду совсем свободен. – Он взял ее за локоть и слегка стиснул его. – Подождите меня в конторе, хорошо?

Руки у него были удивительно нежные для такого крупного мужчины.

Кристина искоса взглянула на его сильный, волевой профиль с квадратным, выступающим вперед подбородком. Да, интересное лицо, подумала она, и человек, несомненно, решительный, а порой, наверно, и упрямый. Она почувствовала, как у нее учащенно забился пульс и кровь быстрее побежала по жилам.

– Хорошо, – сказала она. – Я буду ждать.

Как Марше Прейскотт хотелось теперь, чтобы ее девятнадцатый день рождения прошел иначе – по крайней мере, надо было оставаться на студенческом балу тут же, в отеле, в зале приемов восьмью этажами ниже.

Звуки бала, приглушенные расстоянием и другими шумами, донеслись до нее сейчас, когда она подошла к окну этого «люкса» на одиннадцатом этаже – его только что открыл, решительно сорвав пломбу, один из мальчиков, когда в набитой молодежью комнате из-за жары, сигаретного дыма и запаха спиртных напитков стало трудно дышать даже тем, кто быстро утрачивал всякое представление об окружающем.

И зачем только она пришла сюда! Но, как всегда, строптивая и своенравная Марша искала чего-то из ряда вон выходящего, а ее приятель Лайл Дюмер, сын президента одного из местных банков и близкого друга ее отца, – Лайл, которого она знала уйму лет и который время от времени приглашал ее то туда, то сюда, обещал, что скучать она не будет. Во время танца Лайл ей сказал: "Это занятие для младенцев, Марша. А вон наши ребята сняли номер наверху, и мы провели там почти весь вечер. И притом весьма неплохо! – Он попытался рассмеяться этак солидно, по-мужски, но получилось лишь какое-то глупое хихиканье, а потом напрямик спросил:

– Хочешь пойти туда?"

Ни секунды не раздумывая, она ответила: «Да».

Они тотчас покинули танцевальный зал и поднялись в небольшой номер 1126-27, где было шумно, полно народу и в воздухе – хоть топор вешай. Она не ожидала увидеть такое сборище и уж совсем не предполагала, что тут будет столько пьяных мальчишек.

В комнате находилось и несколько девушек. Марша почти всех их знала, хотя весьма отдаленно, и попыталась завязать разговор, но в таком шуме

трудно было что-либо услышать или быть услышанной. Одна из девушек, Сью Филипп, явно потеряла сознание, и ее приятель, юноша из Батон-Ружа, лил на нее воду из туфли, которую то и дело наполнял в ванной комнате. Платье из розового органди, которое было на Сью, уже превратилось в мокрую тряпку.

Когда Марша вошла, мальчишки восторженно приветствовали ее и тотчас снова сгруппировались у импровизированного бара – перевернутого набок шкафчика со стеклянными дверцами. Кто-то из ребят неловко сунул ей в руку стакан с вином.

Судя по всему, что-то весьма интересное происходило в соседней комнате, за плотно закрытой дверью, – возле нее стояла группа мальчишек, к которым присоединился и Лайл Дюмер, бросив Маршу на произвол судьбы. Марша слышала обрывки фраз и часто повторявшийся вопрос: «Ну, как, понравилось?», но ответ обычно тонул во взрывах непристойного хохота.

Когда наконец она поняла, или, вернее, догадалась, что там происходит, ее охватило отвращение, и ей захотелось уйти. Даже огромный, пустой особняк в пригороде казался ей сейчас предпочтительней, хотя она и не любила его за то, что он всегда был пустой, за то, что жила там только она со слугами, а отец вечно находился в разъездах, – вот и теперь его уже полтора месяца нет дома, и вряд ли он появится раньше чем через две недели.

Вспомнив об отце, Марша подумала, что, если бы он приехал, как обещал, она не была бы сейчас здесь и даже не пошла бы на студенческий бал. Вместо этого она праздновала бы день своего рождения дома, и Марк Прейскотт, веселый, оживленный, со свойственным ему блеском председательствовал бы на этом торжестве, на которое собрались бы ближайшие друзья его дочери, а Марша знала, что они, не задумываясь, отказались бы от студенческого бала ради того, чтобы прийти к ней. Но отец не приехал. Он лишь позвонил по телефону – на этот раз из Рима – и, по обыкновению, извинился.

«Марша, детка моя, я очень старался освободиться, но из этого ничего не получилось. Дела задерживают меня здесь еще на две-три недели, но, когда вернусь домой, я сторицей все возьмешь тебе». Он предложил было Марше

съездить к матери, жившей с нынешним мужем в Лос-Анджелесе, но когда она наотрез отказалась, пожелал ей хорошо провести день рождения. «Кстати, подарок я тебе уже приготовил, думаю, будешь довольна», – добавил он.

Марша чуть не расплакалась, слушая приятный голос отца, но все-таки сумела сдержаться, так как давно отучила себя плакать. К тому же вряд ли имело смысл раздумывать, почему владелец одного из новоорлеанских универмагов, располагая целым взводом высокооплачиваемых помощников, связан делами куда больше, чем простой конторский служащий. Очевидно, его задерживало в Риме и что-то другое, о чем ему не хотелось рассказывать дочери, как и она никогда не расскажет ему о том, что происходило сейчас в номере 1126.

Прежде чем уйти. Марша подошла к окну, чтобы поставить на подоконник стакан, и услышала, как внизу, в танцевальном зале, заиграли «Звездную пыль». К полуночи оркестр всегда переходил на старинные сентиментальные мелодии, тем более что во главе его стоял Макси Бьюкенен, а сам оркестр именовался «Звездные джентльмены Юга» и играл он почти на всех торжественных приемах, проходивших в «Сент-Грегори». Даже если бы она раньше не танцевала, она все равно узнала бы эту аранжировку – мелодичные, мягкие звуки трубы, столь характерные для Бьюкенена.

Марша стояла у окна и раздумывала, не вернуться ли ей в танцевальный зал, хотя точно знала, как там все будет: мальчишки, основательно вспотевшие в своих смокингах, то и дело оттягивающие рукой воротнички рубашек, – неуклюжие подростки, тоскующие по джинсам и водолазкам; девчонки, то и дело выбегающие в туалетную комнату и там, оживленно хихикая, обменивающиеся секретами. А в целом, решила Марша, – сущие дети, вырядившиеся для игры в шарады. Молодость – это такая скука, часто думала Марша, особенно потому, что приходится проводить время среди своих сверстников. Бывали минуты – как, например, сейчас, – когда ей хотелось бы видеть вокруг себя более зрелых людей.

А Лайл Дюмер таким не был. Со своего места она видела, что он по-прежнему топчется у двери в смежную комнату, – раскрасневшийся, со вспучившейся крахмальной манишкой и съехавшей на сторону бабочкой. И как только она могла воспринимать его всерьез, а ведь некоторое время так

оно и было.

Другие девушки тоже стали собираться домой и, прощаясь, уже стояли у двери в коридор. В эту минуту из соседней комнаты вышел юноша постарше, Марша знала, что его зовут Стэнли Диксон. Плотнo закрыв за собою дверь, он кивнул в направлении соседней комнаты, и Марша услышала, как он сказал:

– ...девочки собираются... говорят, на сегодня хватит... боятся неприятностей...

– Говорил я вам, что не надо было этим заниматься, – заметил кто-то из юношей.

– А почему бы нам не взять кого-нибудь из здешних? – послышался голос Лайла Дюмера: он явно еле ворочал языком.

– Отлично. Но кого? – И мальчишки, толпившиеся у дверей, принялись шарить глазами по залу. Марша демонстративно отвернулась.

Тем временем друзья Сью Филипп, той самой девушки, что потеряла сознание, безуспешно пытались привести ее в чувство. Наконец один из ребят, чуть более трезвый, чем остальные, озабоченно позвал:

– Марша! Сью совсем плохо. Не могла бы ты помочь?

Марша нехотя остановилась и взглянула на Сью, которая полулежала в кресле, – она как раз открыла глаза; детское личико ее было бледно, помада на искривленных губах размазалась. Подавив вздох, Марша сказала:

– Помогите-ка мне дотащить ее до ванны.

Втроем они кое-как подняли девушку – та захныкала.

Очутившись с нею в ванной, Марша решительно закрыла дверь перед носом у одного из мальчишек и задвинула защелку. Когда она повернулась к Сью Филипп, та с ужасом разглядывала себя в зеркале. Ну, наконец-то, подумала Марша с облегчением, понемножку приходит в себя.

– Я бы не стала слишком расстраиваться, – заметила она. – Говорят, с

каждым человеком такое хоть однажды должно случиться.

– О господи! Мать убьет меня. – Слова стоном вырвались у нее из груди, и она бросилась к унитазу – ее рвало.

Усевшись на край ванны, Марша деловито сказала:

– После этого ты себя почувствуешь намного лучше. Как только рвота прекратится, я тебя умою, а потом постараемся заново покраситься.

Не поднимая головы от унитаза, Сью потрясла головой.

Минут через десять-пятнадцать Марша вместе со Сью вышли из ванной. В комнате уже почти никого не осталось – только Лайл Дюмер и его дружки все еще совещались о чем-то. Если Лайл увяжется провожать, подумала Марша, я его отошью. Кроме них, в комнате находился еще тот юноша, который просил Маршу помочь Сью. Увидев девушек, он подошел к ним и торопливо пояснил:

– Мы уже договорились с подружкой Сью, что она возьмет ее к себе и, видимо, оставит ночевать. – Он подхватил Сью под руку, и она послушно пошла с ним. Обернувшись, он крикнул:

– Внизу нас ждет машина. Спасибо, Марша!

Когда они ушли. Марша почувствовала, что гора свалилась у нее с плеч.

Она направилась к креслу, на которое бросила накидку, когда ее попросили помочь Сью, и в эту минуту услышала, как закрылась входная дверь. Замок тихо щелкнул. Перед дверью стоял Стэнли Диксон, заложив руки за спину.

– Эй, Марша, – окликнул ее Лайл Дюмер. – Куда ты так заспешила!

Марша знала Лайла с детства, но сейчас это был совсем другой Лайл, чужой, с оскалом пьяного хулигана.

– Я еду домой, – ответила Марша.

– Ну, подожди. – И он, пошатываясь, шагнул к ней. – Будь умницей, и давай выпьем.

– Нет, спасибо.

– Ты же будешь умницей, козочка, правда? – повторил он, словно и не слышал ответа.

– Все останется между нами, – вмешался Стэнли Диксон. Голос у него был низкий, гнусавый и сейчас звучал удивительно непристойно. – Кое-кто из нас уже поразвлекся в свое удовольствие, и нам хотелось бы повторить.

Двое мальчишек, чьих фамилий она не знала, осклабились.

– А меня не интересует, чего бы вам хотелось, – сказала Марша. Она произнесла это твердым голосом, однако где-то в глубине души ей стало страшно. Она шагнула к двери, но Диксон отрицательно покачал головой. Пожалуйста, – сказала она, – пропусти меня, пожалуйста.

– Послушай, Марша, – угрожающе произнес Лайл. – Мы же знаем, что и ты не против. – Он хрипло хохотнул. – Всем девчонкам охота этим заниматься. И если они отказывают, то просто так, для вида. А сами думают: «Приходи и бери». – Он обернулся к остальным:

– Правда, ребята?

Третий парень тихо промурлыкал:

– Точненько. Залезай и получай.

Они стали приближаться к ней. Марша резко повернулась на каблуках.

– Предупреждаю: если вы меня тронете, я закричу.

– Самой же будет хуже, – тихо произнес Стэнли Диксон. – Лишишься самого интересного. – И не успела она опомниться, как он очутился сзади нее, огромная потная лапища зажала ей рот, а обе ее руки оказались прижатыми к бокам. Голова его была совсем рядом, от него несло «бурбоном».

Марша извивалась, пытаясь высвободиться и укунить его за руку, но у нее ничего не получалось.

– Послушай, Марша, – сказал ей Лайл с похотливой улыбкой. – Все равно тебе этого не миновать, так что лучше насладись как следует. Все ведь так говорят, правда? Если Стэнли тебя сейчас отпустит, обещаешь не поднимать шума?

Марша яростно замотала головой.

Один из ребят схватил ее за руку.

– Пошли, Марша. Лайл говорит, ты умница! Почему же ты не хочешь это доказать?

Марша отбивалась изо всех сил, но напрасно: они крепко держали ее.

Лайл схватил ее за другую руку, и теперь они все вместе подталкивали ее к спальне.

– Да ну ее к черту! – воскликнул Диксон. – Ребята, бери ее за ноги! Кто-то из мальчишек тотчас повиновался. Марша попыталась брыкаться, но в результате лишь сбросила туфли с ног. У Марши было такое ощущение, когда ее внесли в спальню, что все это происходит во сне.

– В последний раз спрашиваю, – угрожающе произнес Лайл. От добродушной ухмылки на его лице и следа не осталось. – Ты будешь вести себя как надо или нет?

В ответ Марша еще яростнее забрыкалась.

– Снимайте с нее платье, – скомандовал кто-то.

И чей-то голос – ей показалось, что говорил тот, который держал ее за ноги, – неуверенно спросил:

– А надо ли?

– Да не волнуйтесь вы, – успокоил их Лайл Дюмер. – Ничего не случится. Ее старик сам распутничает где-то в Риме.

В комнате стояли две кровати. Все еще отбивавшуюся Маршу бросили на ближайшую из них. И не успела она опомниться, как уже лежала поперек

кровати, голова ее была запрокинута, так что она видела лишь потолок над собой, некогда белый, а сейчас покрывшийся серым налетом, и в центре завиток, с которого свисала люстра. Завиток был пыльный, а рядом красовалось пожелтевшее пятно от воды.

Верхний свет внезапно потух, но в комнате было довольно светло от какой-то другой лампы. Диксон передвинул обхватывавшую ее руку. Он теперь сидел на кровати рядом с ее головой, но по-прежнему крепко держал ее и зажимал ей рот. Чьи-то руки гладили ее, ощупывали, и Марша почувствовала, что близка к истерике. Она выгнулась, пытаясь отпихнуть их ногами, однако ноги были крепко прижаты к постели. Она хотела повернуться на бок, но услышала лишь, как треснуло по швам ее платье от Баленсиаги.

– Я – первый, – сказал Стэнли Диксон. – Пусть кто-нибудь займет мое место.

Марша слышала, как он сопит.

Кто-то тихо зашел с другой стороны кровати – шаги заглушал толстый ковер. Ноги ее по-прежнему были зажаты, но рука Диксона сдвинулась, и на ее место протянулась другая. Марша воспользовалась моментом. Как только новая рука дотронулась до ее лица. Марша изо всей силы укусила ее. Зубы вошли в тело и проникли до самой кости.

Раздался крик боли, и рука отдернулась.

Набрав воздух в легкие. Марша закричала, отчаянно, изо всей мочи:

– Помогите! Помогите, пожалуйста!

Последнее слово захлебнулось, не успев сорваться с ее губ, – Стэнли Диксон с такой силой зажал ей рот, что она почувствовала, как теряет сознание.

– Дура! Круглая идиотка! – прошился он.

– Она меня укусила! – всхлипывая, причитал кто-то. – Эта ведьма укусила меня за руку!

– А ты что думал, она тебя поцелует? – Стэнли Диксон был вне себя. Ну, теперь сюда сбежится весь проклятый отель.

– Давайте тикать! – взмолился Лайл.

– Замолчи! – прикрикнул на него Диксон.

Они замерли, прислушиваясь.

– Ни звука, – тихо произнес Диксон. – Видно, никто не услышал.

Должно быть, так оно и есть, в отчаянии подумала Марша. Глаза ее наполнились слезами. Она чувствовала, что у нее нет больше сил бороться.

В эту минуту в дверь номера раздался стук. Кто-то трижды постучал, решительно и громко.

– А, черт! – вскрикнул один из ребят. – Значит, все-таки услышали! О господи, как болит рука! – со стоном добавил он.

– Что же будем делать? – нервно спросил другой.

Стук в дверь повторился – на этот раз еще энергичнее.

Прошло несколько секунд, и голос из-за двери потребовал:

– Извольте открыть! Я слышал, кто-то звал на помощь. – Голос звучал мягко, с южным акцентом.

– Он один, – прошептал Лайл, – с ним никого нет. Может, удастся его провести.

– Можно попробовать, – чуть слышно ответил Диксон. – Я пойду, а вы держите ее покрепче и уж не оплошайте на этот раз.

Чья-то другая рука быстро легла на рот Марше, она почувствовала, что ее еще крепче вдавливают в постель.

Щелкнул замок, дверь скрипнула и приоткрылась. Послышался удивленный возглас Стэнли Диксона:

– О!

– Извините, сэр. Я служащий отеля. – Это был тот же голос, что и несколько минут тому назад. – Я случайно проходил мимо и услышал, что кто-то звал на помощь.

– Случайно, значит, проходил, да? – В тоне Диксона слышалась издевка.

Истой тотчас спохватился и добавил:

– Во всяком случае, спасибо. Но ничего не случилось – просто моя жена вскрикнула во сне. Она уже давно легла. А теперь все в порядке.

– Что ж... – Незнакомец явно медлил. – Если вы уверены, что теперь все в порядке...

– В полном порядке, – заверил его Диксон. – Просто иногда с женой случается такое.

Сказано это было достаточно убедительно, и хозяином положения, несомненно, был Диксон. Марша понимала, что через секунду дверь захлопнется.

За это время она успела немного передохнуть, да и рука, зажимавшая ей рот, как ей показалось, чуть-чуть ослабла. Тогда, собрав последние силы, она вся напряглась. Резко повернулась на бок, и рука соскользнула с ее рта.

– Помогите! – закричала она во весь голос. – Не верьте ему! Помогите!

– Та же рука грубо оборвала ее крик.

У двери начались препирательства. Марша слышала, как незнакомец произнес:

– Я прошу все же разрешить мне войти.

– Это мой номер. Говорю вам, моя жена кричит во сне.

– Извините, сэр, но я вам не верю.

– Ну хорошо, входите, – сказал Диксон.

И Марша тотчас почувствовала, что ее перестали держать: мучитель явно испугался, что его могут застать с поличным. Она быстро повернулась и приподнялась, глядя на дверь. В комнату вошел молодой негр лет двадцати с приятным интеллигентным лицом. Он был тщательно одет, короткие волосы, разделенные пробором, аккуратно зачесаны назад.

Он сразу понял, в чем дело, и строго сказал:

– Сейчас же отпустите эту молодую леди.

– Нет, вы только посмотрите, ребята! – воскликнул Диксон. Посмотрите, кто здесь командует!

Подсознательно Марша понимала, что дверь в коридор все еще приоткрыта.

– Ну, погоди, черная скотина, – взревел Диксон. – Ты у меня получишь – сам напросился! – И, качнув широкими плечами, Диксон умело выбросил вперед сжатую в кулак правую руку. Вся сила его натренированного тела была вложена в этот удар, который наверняка свалил бы негра, достигни он цели.

Но тот с проворностью танцовщика мгновенно отскочил в сторону, и рука прошла мимо его головы, а Диксон полетел вперед. Негр стремительно двинул левым кулаком и смачно съездил противника по скуле.

Где-то в конце коридора открылась и закрылась дверь.

Диксон схватился за щеку.

– Ах ты, сукин сын! – взревел он. И, повернувшись к своим друзьям, закричал:

– А ну, влепите ему как следует!

Только мальчишка с прокушенной рукой не двинулся с места. Остальные же трое, словно по команде, бросились на негра и сбили его с ног. Марша слышала глухие удары, в то время как из коридора уже доносился нарастающий гул голосов.

Остальные тоже услышали этот гул.

– Нас накрыли! – предостерегающе крикнул Лайл Дюмер. – Говорил вам, надо было сматываться отсюда!

Все кинулись к двери во главе с мальчишкой, не участвовавшим в драке.

Марша слышала, как Диксон, прежде чем выйти из комнаты, сказал:

– На нас напали. Мы бежим за помощью.

Молодой негр приподнялся с пола, лицо его было в крови.

В коридоре послышался чей-то властный голос, перекрывший остальные.

– Что здесь происходит?

– Кричали, дрались, – взволнованно пояснила какая-то женщина. – Вон там.

– Я уже жаловался на шум, – проворчал какой-то мужчина, – но никто и внимания не обратил.

Дверь распахнулась. Марша на мгновение увидела любопытные лица, но их тут же заслонила высокая фигура, решительно вошедшая в номер. Дверь закрылась, и в комнате вспыхнул верхний свет.

Питер Макдермотт окинул взглядом комнату, отметил царивший в ней беспорядок и спросил:

– Что тут произошло?

Марша зарыдала, сотрясаемая конвульсиями. Она попыталась выпрямиться, но тут же привалилась без сил к изголовью кровати, кое-как прикрываясь лохмотьями разорванного платья. Отчаянно рыдая, она с трудом произнесла:

– Хотели... изнасиловать...

Лицо у Макдермотта стало жестким. Взгляд его обратился на молодого негра, который, прислонившись к стене, пытался с помощью носового

платка унять струившуюся по лицу кровь.

– Ройс! – В глазах Макдермотта сверкнула ярость.

– Нет! Нет! – взмолилась Марша с другого конца комнаты. – Это не он!

Он прибежал на помощь! – Она закрыла глаза, чувствуя, что не выдержит, если сейчас опять начнется избиение.

Молодой негр выпрямился. Отняв от лица платок, он задиристо спросил:

– Чего же вы стоите, мистер Макдермотт? Валяйте, бейте меня! Ведь потом вы всегда можете сказать, что произошло недоразумение.

– Я уже совершил одну ошибку, Ройс, – коротко ответил Питер, – и приношу за нее извинения. – Он терпеть не мог этого Алоисиуса Рейса, работавшего у владельца отеля камердинером и одновременно занимавшегося на факультете права в университете Лойолы. Много лет тому назад отец Рейса, сын раба, поступил в услужение к Уоррену Тренту, стал его компаньоном и доверенным лицом. Спустя четверть века, когда старик умер, его сын Алоисиус, который родился и вырос в «Сент-Грегори», занял его место и теперь жил в личных апартаментах владельца отеля на привилегированном положении, выполняя свои обязанности в свободное от занятий время. Однако, по мнению Питера Макдермотта, Ройс был излишне заносчив и надменен – он словно бы не верил любому проявлению дружелюбия и только и ждал повода ввязаться в ссору.

– Расскажите, что вам известно, – сказал Питер.

– Их было четверо. Четверо симпатичных белых молодых джентльменов.

– Вы кого-нибудь знаете?

Ройс кивнул.

– Да. Двоих.

– Этого вполне достаточно. – Питер направился к телефону, стоявшему около одной из кроватей.

– Куда вы собираетесь звонить?

– В полицию. У нас нет иного выхода, придется вызвать их сюда.

На лице молодого негра появилось подобие улыбки.

– Если хотите послушать моего совета, не делайте этого.

– Почему?

– По одной-единственной причине, – произнес Алоисиус Ройс, растягивая слова и намеренно подчеркивая свой южный акцент. – Мне тогда придется быть свидетелем. А разрешите вам заметить, мистер Макдермотт, что ни один суд в нашем суверенном штате Луизиана не поверит словам негра, коли будут разбирать дело об изнасиловании белой девушки, удавшемся или неудавшемся.

Нет, сэр, не поверит, особенно если четверо весьма высокопоставленных молодых белых джентльменов скажут, что этот негр лжет. Не поверит, даже если мисс Прейскотт поддержит негра, хоть я и сомневаюсь, чтобы ее папочка разрешил ей это сделать, – ведь столько существует газет на свете и какую шумиху они могут поднять.

Питер, уже снявший было трубку, снова положил ее на место.

– Порой мне кажется, что вы намеренно усложняете некоторые вещи, сказал он. Но в душе Питер знал, что Ройс прав. Взглянув на Маршу, он спросил:

– Вы сказали: «мисс Прейскотт», я не ослышался?

Молодой негр кивнул.

– Ее отец – Марк Прейскотт. Тот самый Прейскотт. Я правильно говорю, мисс?

Марша грустно кивнула.

– Мисс Прейскотт, – обратился к ней Питер, – вы знаете тех людей, которые повинны в случившемся?

– Да, – прошептала она еле слышно.

– Они, по-моему, все были на студенческом балу, – предположил Ройс.

– Это правда, мисс Прейскотт?

Она слегка наклонила голову в знак подтверждения.

– И вы вместе с ними пришли сюда – в этот номер?

– Да, – снова прошептала она.

Питер испытующе посмотрел на Маршу. И, немного помолчав, сказал:

– Это ваше личное дело, мисс Прейскотт, станете ли вы подавать в суд или нет. Но какое бы решение вы ни приняли, администрация отеля будет на вашей стороне. Боюсь только, что в словах Рейса насчет шумихи заключена большая доля правды. Ее, видимо, не избежать – я даже полагаю, что шумиха поднимется изрядная и не очень приятная. Конечно, – добавил он, – все должен взвесить ваш отец. Вы не считаете, что мне следует позвонить и попросить его приехать?

Марша подняла голову и впервые посмотрела Питеру в лицо.

– Мой отец сейчас в Риме. Пожалуйста, ничего не рассказывайте ему никогда.

– Я уверен, кое-что можно сделать, не давая пищи злым языкам. Но я считаю, что совсем спускать такое нельзя. – Питер обошел вокруг кровати.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)